

Сергей Михайлович Соловьев

**История России с древнейших
времен. Том 9**

История России с древнейших времен

Сергей Соловьев

**История России с
древнейших времен. Том 9**

«Public Domain»

Соловьев С. М.

История России с древнейших времен. Том 9 / С. М. Соловьев — «Public Domain», — (История России с древнейших времен)

Девятый том сочинений С. М. Соловьева «Истории России с древнейших времен» охватывает события с 1613 по 1645 г. – период царствования Михаила Федоровича Романова.

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 9. Царствование Михаила Федоровича Романова 1613–1645 гг

ГЛАВА ПЕРВАЯ ЦАРСТВОВАНИЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА

Посольство от собора к новоизбранному царю. – Наказ послам. – Переговоры послов с Михаилом и его матерью. – Причины, почему новый царь не мог бояться участи своих предшественников. – Выезд Михаила из Костромы в Ярославль. – Переписка его с собором и боярами из Ярославля и с дороги из этого города в Москву. – Въезд Михаила в Москву. – Его царское венчание. – Бедственное состояние государства при вступлении на престол Михаила. – Грамоты царя и собора по городам и к Строгановым. – Дело Шульгина. – Война с Заруцким. – Переписка правительства с козаками. – Ссора Заруцкого с астраханцами и Терским городом. – Действие стрелецкого головы Хохлова против Заруцкого. – Поимка Заруцкого. – Казнь его, сына Марины и Андронова, смерть Марины. – Движения воровских козаков на севере. – Действия против них князя Лыкова. – Восстание татар и черемисы в понизовых городах. – Сношения с Польшею. – Посольство туда Аладына. – Военные действия: взятие Белой московскими войсками, неудачная осада Смоленска. – Война с Лисовским. – Действия и гибель черкас на севере. – Грамота панов радных к боярам. – Посольство Желябужского в Польшу и свидание его с Филаретом Никитичем. – Неудачные переговоры под Смоленском. – Сношения с Австриею, Турциею, Персиею, Крымом. – Посольство в Голландию и Англию. – Приезд английского посла Джона Мерика с целью содействовать заключению мира между Россиею и Швециею. – Положение Новгорода Великого под шведским владычеством. – Военные действия против шведов. – Оборона Тихвина. – Неудача Трубецкого и Мезецкого. – Взятие Гдова Густавом-Адольфом. – Неудачная осада Пскова. – Дедеринские переговоры при посредничестве английского и голландских послов. – Столбовский мир. – Очищение Новгорода. – Переговоры с Мериком, награды ему. – Взгляд Густава-Адольфа на Столбовский мир. – Посольство князя Борятинского в Швецию для окончательного подтверждения мира (1613–1617)

Провозгласивши царем шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова, собор назначил ехать к нему в челобитчиках: Феодориту, архиепископу рязанскому, троице архимандритам – чудовскому, новоспасскому и симоновскому, троицкому келарю Авраамиию Палицыну, троице протопопам, боярам – Федору Ивановичу Шереметеву, родственнику молодого царя, и князю Владимиру Ивановичу Бахтеярову-Ростовскому, окольниковому Федору Головину с стольниками, стряпчими, приказными людьми, жильцами и выборными людьми из городов. Собор не знал подлинно, где находился в это время Михаил, и потому в наказе, данном послам, говорилось: «Ехать к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси в Ярославль или где он, государь, будет». Посланные, бив челом новоизбранному царю и его матери и уведомив их об избрании, должны были говорить Михаилу: «Всяких чинов всякие люди бьют челом, чтоб тебе, великому государю, умилишься над остатком рода христианского, многорасхищенное православное христианство Российского царства от растления сыроядцев, от польских и литовских людей, собрать воединство, принять под свою государеву паству, под крепкую высокую свою десницу, всенародного слезного рыдания не презреть, по изволению

божию и по избранию всех чинов людей на Владимирском и на Московском государстве и на всех великих государствах Российского царствия государем царем и великим князем всея Руси быть и пожаловать бы тебе, великому государю, ехать на свой царский престол в Москву и подать нам благородием своим избаву от всех находящих на нас бед и скорбей; а как ты, государь, на своем царском престоле буешь на Москве, то, послыша про твой царский приход, литовские люди и все твои государевы недруги будут в страхе, а Московского государства всякие люди обрадуются. А как твой, государев, подвиг в царствующий град будет, то из Москвы митрополит и архиепископы с всем освященным собором, бояре и всякие люди встретят тебя с чудотворными иконами и животворящими крестами, по вашему царскому достоинству, и служить тебе, государю, и прямить, и головы свои за тебя класть все люди от мала до велика рады». В заключении наказа говорилось: «Если государь не пожалует, станет отказывать или начнет размышлять, то бить челом и умолять его всякими обычаями, чтоб милость показал, был государем царем и ехал в Москву вкоре: такое великое божие дело сделалось не от людей и не его государским хотеньем, по избранью бог учинил его государем. А если государь станет рассуждать об отце своем митрополите Филарете, что он теперь в Литве и ему на Московском государстве быть нельзя для того, чтоб отцу его за то какого зла не сделали, то бить челом и говорить, чтоб он, государь, про то не размышлял: бояре и вся земля посылают к литовскому королю, за отца его дают на обмен литовских многих лучших людей».

Послы выехали из Москвы 2 марта, но еще прежде, от 25 февраля, разосланы были грамоты по городам с известием об избрании Михаила: «И вам бы, господа, – писал собор, – за государево многолетие петь молебны и быть с нами под одним кровом и державою и под высокою рукою христианского государя, царя Михаила Феодоровича. А мы, всякие люди Московского государства от мала до велика и из городов выборные и невыборные люди, все обрадовались сердечною радостью, что у всех людей одна мысль в сердце вместилась – быть государем царем блаженной памяти великого государя Федора Ивановича племяннику, Михаилу Феодоровичу; бог его, государя, на такой великий царский престол избрал не по чьему-либо заводу, избрал его мимо всех людей, по своей неизреченной милости; всем людям о его избрании бог в сердце вложил одну мысль и утверждение». Вместе с этим известием разослана была и крестоцеловальная записка, в которой нет ничего о порче на следу и тому подобных вещах, встречаемых в гоудуновской записи. Присяга областей последовала быстро: уже 4 марта воевода Переяславля Рязанского дал знать в Москву, что жители его города присягнули Михаилу; за этим известием последовали другие – из областей более отдаленных. Наконец пришло известие от послов соборных, которые нашли Михаила с матерью в Костроме, в Ипатьевском монастыре. Послы доносили собору, что 13 марта они приехали в Кострому к вечерни, дали знать Михаилу о своем приезде и он велел им быть у себя на другой день. Послы повестили об этом костромскому воеводе и всем горожанам и 14 числа, поднявши иконы, пошли все с крестным ходом в Ипатьевский монастырь. Михаил с матерью встретили образа за монастырем, но когда послы объявили им, зачем присланы, то Михаил отвечал «с великим гневом и плачем», что он государем быть не хочет, а мать его Марфа прибавила, что она не благословляет сына на царство, и оба долго не хотели войти за крестами в соборную церковь; насилу послы могли упросить их. В церкви послы подали Михаилу и матери его грамоты от собора и говорили речи по наказу, на что получили прежний ответ; Марфа говорила, что «у сына ее и в мыслях нет на таких великих преславных государствах быть государем, он не в совершенных летах, а Московского государства всяких чинов люди по грехам измалодушествовались, дав свои души прежним государям, не прямо служили». Марфа упомянула об измене Гоудунову, об убийстве Лжедмитрия, сведении с престола и выдаче полякам Шуйского, потом продолжала: «Видя такие прежним государям крестопреступления, позор, убийства и поругания, как быть на Московском государстве и прирожденному государю государем? Да и потому еще нельзя: Московское государство от польских и литовских людей и непостоянством русских людей разорилось до конца, прежние

сокровища царские, из давних лет собранные, литовские люди вывезли; дворцовые села, черные волости, пригородки и посады розданы в поместья дворянам и детям боярским и всяким служилым людям и запустошены, а служилые люди бедны, и кому повелит бог быть царем, то чем ему служилых людей жаловать, свои государевы обиходы полнить и против своих недругов стоять?» Потом Михаил и Марфа говорили, что быть ему на государстве, а ей благословить его на государство только на гибель; кроме того, отец его митрополит Филарет теперь у короля в Литве в большом утесненье, и как сведает король, что на Московском государстве учинился сын его, то сейчас же велит сделать над ним какое-нибудь зло, а ему, Михаилу, без благословенья отца своего на Московском государстве никак быть нельзя. Послы со слезами молили и били челом Михаилу, чтоб соборного моленья и челобитья не презрил; выбрали его по изволению божию, не по его желанью, положил бог единомышленно в сердца всех православных христиан от мала и до велика на Москве и во всех городах. А прежние государи: царь Борис сел на государство своим хотеньем, изведши государский корень царевича Димитрия, начал делать многие неправды, и бог ему мстил кровь царевича Димитрия богоотступником Гришкою Отрепьевым: вор Гришка-расстрига по своим делам от бога месть принял, злою смертью умер; а царя Василья выбрали на государство немногие люди, и, по вражью действию, многие города ему служить не захотели и от Московского государства отложились; все это делалось волею божиею да всех православных христиан грехом, во всех людях Московского государства была рознь и междоусобие. А теперь Московского государства люди *наказались* все и пришли в соединение во всех городах. Послы молили и били челом Михаилу и матери его с третьего часа дня до девятого, говорили, чтоб он воли божией не снимал, был на Московском государстве государем. Михаил все не соглашался; послы стали грозить ему, что бог взыщет на нем конечное разоренье государства; тогда Михаил и Марфа сказали, что они во всем положились на праведные и непостижимые судьбы божи; Марфа благословила сына, Михаил принял посох от архиепископа, допустил всех к руке и сказал, что поедет в Москву скоро.

Слова Феодорита с товарищами, что Михаилу нечего было бояться участи своих предшественников, потому что люди Московского государства наказались и пришли в соединение, – эти слова были вполне справедливы. Страшным опытом люди Московского государства научились, что значат рознь и шатость, развязывающие *руки вора*. Земские люди имели столько нравственной силы, что могли воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и будут в состоянии поддержать нового государя, несмотря на отсутствие материальных средств, на которое указывала Марфа. Казны нет и взять неоткуда, ибо государство разорено, земля наполнена воровскими козаками, не знающими меры своему буйству; Заруцкий грозит с юго-востока, шведы и поляки – с запада; новый государь – неопытный, мягкий молодой человек, около которого нет людей сильных умом и доброю волею, и несмотря на все это, Михаил удержался на престоле: при первой опасности, при каждом важном случае подле царя видим собор, одушевленный тою же ревностью, с какою *последние люди* шли на очищение государства. До какой степени в лучших людях 1613 года крепко было убеждение, что должно пожертвовать всем для поддержания, охранения нового царя, восстановившего наряд, до какой степени лучшие люди наказались в этом отношении, показывал всего лучше подвиг Сусанина. Когда Михаил, выехавши из Москвы после сдачи Кремля, жил в Костроме, отряд поляков (как говорит грамота, но по всем вероятностям, воровских козаков, ибо поляков не было тогда более в этих местах), узнавши об избрании нового царя, отыскивал место его пребывания с целью умертвить нежеланного им восстановителя наряда; в этих поисках враги схватили крестьянина Ивана Сусанина из Костромского уезда села Домнина, принадлежавшего Романовым, и начали пытаться его страшными пытками, вымучивая показание, где скрывался Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти.

19 марта выехал Михаил из Костромы в Ярославль, куда приехал 21 числа. В другой раз Ярославль становился местом великого стечения народного, местом великого торжества:

недавно его жители видели ополчение Пожарского, теперь видели желанный конец подвигов этого ополчения. Ярославцы и съехавшиеся к ним отовсюду дворяне, дети боярские, гости, люди торговые с женами и детьми встретили нового царя, подносили ему образа, хлеба, дары и от радости не могли промолвить ни слова. 23 марта Михаил писал в Москву к собору, говорил, как были у него в Костроме послы, как он долго отказывался от престола: «У нас того и в мыслях не бывало, что на таких великих государствах быть, по многим причинам, да и потому, что мы еще не в совершенных летах, а государство Московское теперь в разоренье, да и потому, что Московского государства люди по грехам измалодушествовались, прежним великим государям не прямо служили. И, видя такие прежним государям крестопреступления, позоры и убийства, как быть на Московском государстве и прирожденному государю, не только мне?» В заключение, уведомив о своем согласии, Михаил прибавляет: «И вам бы, боярам нашим, и всяким людям, на чем нам крест целовали и души свои дали, стоять в крепости разума своего, безо всякого позыбания нам служить, прямить, воров царским именем не называть, вора не служить, грабежей бы у вас и убийств на Москве и в городах и по дорогам не было, быть бы вам между собою в соединенье и любви; на чем вы нам души свои дали и крест целовали, на том бы и стояли, а мы вас за вашу правду и службу рады жаловать».

Собор отвечал, что все люди со слезами благодарят бога, молятся о царском здоровье, и просил: «Тебе бы, великому государю, нас, сирых, пожаловать, быть в царствующий град поскорее»; о том же писал собор и к послам своим, Феодориту с товарищами, прося дать знать, когда государь будет у Троицы и где прикажет себя встретить. Но из Ярославля приехал князь Троекуров с запросом собору: «К царскому приезду есть ли на Москве во дворце запасы и послано ли собирать запасы по городам, и откуда надеются их получить? Кому дворцовые села розданы, чем царским обиходам впредь полниться и сколько царского жалованья давать ружникам и оброчникам? Бьют государю челом стольники, дворяне и дети боярские, что у них дворцовые села отписаны и государю от челобитчиков доука большая: как с этим быть? чтоб на Москве и по дорогам грабежей никаких не было! Дворяне и дети боярские и всякие люди с Москвы разъехались – великому государю неизвестно, по вашему ли отпуску они разъехались или самовольством?» Собор отвечал: «Для сбора запасов послано и к сборщикам писано, чтоб они наскоро ехали в Москву с запасами, а теперь в государевых житницах запасов немного. О грабежах и воровствах заказ учинен крепкий, воров и разбойников сыскиваем и велим их наказывать. Дворян и детей боярских без государева указа с Москвы мы никуда не отпускали, а которые разъехались по домам, тем всем велено быть к государеву приезду в Москву». Прошел март; 1 апреля собор опять написал к послам своим – Шереметеву с товарищами, чтобы доложили государю, когда он будет в Москву и где его встречать. 8 апреля царь отвечал на это следующею грамотою: «Писали вы к нам с князем Иваном Троекуровым, чтоб нам походом своим не замедлить, и прислали с князем Иваном роспись, сколько у вас в Москве во дворце всяких запасов; по этой росписи хлебных и всяких запасов мало для обихода нашего, того не будет и на проезд наш. Сборщики, которые посланы вами по городам для кормов, в Москву еще не приезжали, денег ни в котором приказе в сборе нет, а Московское государство от польских и литовских людей до конца разорено, города и уезды многие от войны запустели, наши дворцовые села и волости розданы были в поместья и запустошены, а иные теперь в раздаче; и на наш обиход запасов и служилым людям на жалованье денег и хлеба собирать не с кого. Атаманы и козаки беспрестанно нам бьют челом и докучают о денежном жалованье, о своих и конских кормах, а нам их пожаловать нечем и кормов давать нечего. Мы, по вашему челобитью и по челобитью всех чинов людей, идем к Москве вскоре, а которого числа из Ярославля пойдем, о том мы к вам велим отписать. И вам бы, богомольцам нашим, и боярам, и окольными, и приказным людям о том приговор учинить с стольниками, стряпчими, с дворянами московскими, с дворянами и детьми боярскими из городов, с атаманами, козаками, стрельцами, с гостями, торговыми и всякими жилецкими и приезжими людьми: чем нам вся-

ких ратных людей жаловать, свои обиходы полнить, бедных служилых людей чем кормить и поить, ружникам и оброчникам всякие запасы откуда брать? И об этом учинить вам полный приговор и к нам отписать вскоре. Вам самим ведомо: учинились мы царем по вашему прошению, а не своим хотеньем, крест нам целовали вы своею волею: так вам бы всем, помня свое крестное целованье, нам служить и о всяком деле радеть, и приговор свой учинить, как тому всему быть. Сами ведаете: недруги наши польский и литовский и немецкий король многими городами государства нашего завладели и в тех городах сидят их люди, а по вестям ждем прихода литовских и немецких людей под свои города вскоре, а под Торопцом литовские люди теперь стоят, и Торопцу ниоткуда помощи нет. Да многие дворяне и дети боярские бьют нам челом о поместьях, что вы у них поместья отнимаете и раздаете в раздачу без сыску: и вам бы те докуки от нас отвести и велеть дворян и детей боярских в поместных и вотчинных делах расправлять по сыску в правду, чтоб нам о том не били челом».

До сих пор царь переписывался с собором, но 11 апреля писали к нему одни бояре, опять Федор Иванович Мстиславский с товарищами, что в городах воевод нет, а без воевод городам быть нельзя; бьют челом атаманы, козаки и стрельцы о корме, сказывают, что прежде для них собирали кормы с дворцовых и монастырских сел. Мы, пишут бояре, стали было отпускать воевод в города и кормы собирать; но воеводы, атаманы, стрельцы и козаки говорят, что воеводы отпускаются по городам, и сборщики кормов по селам от государя: и мы воевод и сборщиков посылать без твоего государева указа не смеем. Наконец 18 апреля царь уведомил духовенство и бояр, что поход его к Москве замедлился за дурною дорогою, зимний путь испортился, а как большой лед прошел и воды сбыло, то он выехал из Ярославля 16 апреля и 17-го приехал в Ростов, откуда 19-го намерен отправиться дальше к Москве. «А идем медленно затем, – писал царь, – что подвод мало и служилые люди худы: стрельцы, козаки и дворовые люди многие идут пешком». Но и после этого Михаил двигался очень медленно: 25 апреля писал он со стану из села Любимова, что многие стольники, стряпчие и жильцы, обязанные сопровождать его, до сих пор не явились, и он приказывает боярам отписать у этих нетчиков поместья и вотчины; число нетчиков простиралось до 42. Царь писал также боярам, чтоб они приказали приготовить для него Золотую палату царицы Ирины с мастерскими палатами и сенями, а для матери его деревянные хоромы жены царя Василия Шуйского; бояре отвечали, что приготовили для государя комнаты царя Ивана да Грановитую палату, а для матери его хоромы в Вознесенском монастыре, где жила царица Марфа; тех же хором, что государь приказал приготовить, скоро отстроить нельзя, да и нечем: денег в казне нет и плотников мало; палаты и хоромы все без кровли, мостов, лавок, дверей и окошек нет, надобно делать все новое, а лесу пригодного скоро не добыть.

Открылось еще новое затруднение, новое неудовольствие молодого царя: 28 апреля Федорит и Шереметев писали собору: «Писал к вам государь много раз, чтоб у вас на Москве, по городам и по дорогам убийств, грабежей и никакого насильства не было; а вот 23 апреля пришли к государю на стан в село Сватково дворяне и дети боярские разных городов, переграблены донага и сечены, в расспросе сказали, что одни из них посланы были к государю с грамотами, другие – по городам собирать дворян и детей боярских и высылать на службу: и на дороге, на Мытищах и на Клязьме, козаки их перехватили, переграбили, саблями секли и держали у себя в станах два дня, хотели побить, и они у них, ночью развязавшись, убежали; а стоят эти воры на Мытищах, другие – на Клязьме, человек их с 200, конные и пешие. Писали государю из Дмитрова приказные люди, что прибежали к ним из сел и деревень крестьяне, жженые и мученные огнем, жгли их и мучили козаки; 26 апреля эти воры пришли и в Дмитров на посад, начали было его грабить, но в то время случились в Дмитрове дворяне и дети боярские, козаки кормовые и торговые, и они им посада грабить не дали, с ними бились; и от этих воров дмитровцы, покинув город, хотят все брести врознь, а по селам и деревням от воров грабежи и убийства большие. Козаки, посланные в разные места на службу, берут указные кормы, да, сверх кор-

мов, воруют, проезжих всяких людей по дорогам и крестьян по селам и деревням бьют, грабят, пытаются, огнем жгут, ломают, до смерти побивают. И 26 апреля государь и его мать у Троицы на соборе говорили всяких чинов людям с большим гневом и со слезами, что воры кровь христианскую льют беспрестанно; выбрали его, государя, всем государством, обещались служить и прямить и быть всем в любви и соединении; а теперь на Москве, по городам и по дорогам грабежи и убийства; позабыв добровольное крестное целованье, воры дороги все затворили гонцам, служилых и торговых людей с товарами и ни с какими запасами не пропускают. И государь и мать его, видя такое воровство, из Троицкого монастыря идти не хотят, если всех чинов люди в соединение не придут и кровь христианская литься не перестанет. Государь и мать его нам говорили: вы нам били челом и говорили, что все люди пришли в чувство, от воровства отстали, так вы нам били челом и говорили ложно. И мы, господа, слыша такие слова от государя и опалу, стали в великой скорби и с соизволения государя послали к вам выборных из всяких чинов сказать вам, чтоб вы, помня души свои и крестное целованье, воров сыскивали, от воровства и грабежа их уняли». О том же писал собору и сам царь: «Можно вам и самим знать, – говорится в царской грамоте, – если на Москве и под Москвою грабежи и убийства не уймутся, то какой от бога милости надеяться? Никакие люди в Москву ни с какими товарами и с хлебом не поедут, дороги все затворятся, и если не будет из Москвы в города, а из городов в Москву проезду, то какому добру быть? Да и то нам подлинно известно, которые гости, торговые и всякие жилецкие люди в московское разоренье разбежались из Москвы по городам, а теперь велено им с женами, детьми и со всем имением ехать в Москву, и отданы они в том на крепкие поруки; и те все люди для убийства и грабежей в Москву ехать не смеют». Царь или его мать не удовольствовались и ответом бояр насчет невозможности отделать кремлевские палаты к их приезду, от 29 апреля царь писал боярам: «По прежнему и по этому нашему указу велите устроить нам Золотую палату царицы Ирины, а матери нашей хоромы царицы Марьи, если лесу нет, то велите строить из брусяных хором царя Василья; вы писали нам, что для матери нашей изготовили хоромы в Вознесенском монастыре, но в этих хоромы матери нашей жить не годится».

30 апреля собор приговорил: боярам князю Ивану Михайловичу Воротынскому да Василью Петровичу Морозову, окольниковому князю Мезецкому и дьяку Иванову с выборными из всяких чинов ехать к государю, бить челом, чтоб он умилосердился над православными христианами, походом своим в Москву не замешкал; а про воровство про всякое митрополит и бояре заказ учинили крепкий, атаманы и козаки между собою уговорились, что два атамана чрез день осматривают каждую станицу и, чье воровство сыщут, тотчас про него скажут и за воров в челобитчиках быть не хотят; в Москве во всех слободах и в козачьих таборах велели заказ крепкий учинить, чтоб воровства и корчем не было нигде, объезжих голов по улицам расписали, а где воры объявятся по дорогам, то на них станут из Москвы посылать посылки. Воеводы ополчения – князь Трубецкой и князь Пожарский послали царю челобитную: «Были мы, холопы твои, Митька Трубецкой и Митька Пожарский, на твоей государевой службе под Москвою, голод и нужду великую терпели, и в приходы гетманские в крепких осадах сидели, с разорителями веры христианской бились, не щадя голов своих, и всяких людей на то приводили, что, не увидя милости божией, от Москвы не отхаживать. Милостью божиею и всяких людей прямою службою и кровью Московское государство очистилось и многие люди освободились; а теперь приходят к нам стольники, стряпчие, дворяне московские, приказные люди, жильцы, городовые дворяне и дети боярские, которые с нами были под Москвою, и бьют челом тебе, государю, чтоб им видеть твои царские очи на встрече; но мы, без твоего государева указу, на встречу к тебе ехать не смеем, ожидаем от тебя милости и указу, как ты нам повелишь».

Посланные от собора, князь Воротынский с товарищами, нашли Михаила в селе Братовщине, на половине дороги от Троицкого монастыря к Москве. Государь и мать его, выслушав их челобитье, сказали милосердное слово, что будут на последний стан от Москвы, в село Тай-

нинское, 1 мая, а в Москву въедут 2 мая. В этот день, в воскресенье, поднялись в Москве всяких чинов люди, от мала до велика, и вышли за город на встречу к государю. Михаил и мать его слушали молебен в Успенском соборе, после чего всяких чинов люди подходили к руке царской и здравствовали великому государю.

11 июля происходило царское венчание. Перед тем как идти в Успенский собор, государь сидел в Золотой подписной палате, и тут сказано было боярство двоим стольникам: родственнику царскому, князю Ивану Борисовичу Черкасскому, и вождю-освободителю, князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому; у сказки последнему назначен был стоять думный дворянин Гаврила Пушкин, который бил челом, что ему у сказки стоять и меньше князя Дмитрия быть невместно, потому что его родственники меньше Пожарских нигде не бывали. Государь указал для своего царского венца во всяких чинах быть без мест и велел этот свой указ при всех боярах в разряд записать. Выступил дьяк Петр Третьяков и объявил, что боярин князь Мстиславский будет осыпать государя золотыми, боярин Иван Никитич Романов будет держать шапку Мономахову, боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой – скипетр, новый боярин князь Пожарский – яблоко, и опять послышалось обычное челобитье: Трубецкой бил челом на Романова, что ему меньше его быть невместно. Государь сказал Трубецкому: «Известно твое отечество перед Иваном, можно ему быть тебя меньше, но теперь быть тебе меньше его потому, что мне Иван Никитич по родству дядя; быть вам без мест». Когда дело таким образом уладилось, государь пошел в соборную церковь, где венчался царским венцом от казанского митрополита Ефрема. На другой день, 12 июля, праздновались царские именины (св. Михаила Малеина); для этого торжества пожаловал государь в думные дворяне Кузьму Минина.

Милостей, льгот народу новый государь не мог дать для торжества своего царского венчания: казна была пуста; а между тем обстоятельства были тяжелые. 24 мая царь принужден был писать Строгановым: «Бьют нам челом на Москве дворяне и дети боярские, козаки, стрельцы и всякие ратные люди, что они, будучи под Москвою, многие нужды и страсти терпели и кровь проливали, поместья и вотчины у них от долгой войны запустели и службы своей исполнять им нечем; стрельцы и козаки служивую рухлядь проели, и на нашей службе им быть нельзя за великою бедностью; в казне нашей денег и хлебных запасов в житницах нет, служивым людям жалованья дать нечего. Выходцы и языки в расспросе боярам нашим сказывают, что литовские люди хотят идти под Москву, а в нашей казне денег и в житницах хлеба нет нисколько. Сколько вы с своих вотчин в нашу казну денежных доходов платите, нам про то подлинно не ведомо; и теперь по нашему указу послан к вам Андрей Игнатьевич Вельяминов; велено ему с ваших вотчин за прошлые годы и за нынешний год по книгам и по отписям наши денежные доходы взять сполна и привезть к нам. Да у вас же мы приказали просить займы для христианского покою и тишины денег, хлеба, рыбы, соли, сукон и всяких товаров, что можно дать ратным людям; а сколько чего займы дадите, деньгами, хлебом и товаром, и то приказали мы записывать в книги, а вам давать с книг выписи архимандричьими, игуменскими и сборщиковыми руками, по чему вам тот заем из нашей казны взять; хотя теперь и промыслов убавьте, а ратным людям на жалованье дайте, сколько можете, а как в нашей казне деньги в сборе будут, то мы вам велим заплатить тотчас. Так вам бы непременно ратным людям на жалованье дать без кручины: лучше всякой милостыни ратным людям помочь и этою помощью божию церкву в лепоте и святую веру в целости учинить, православных христиан от нахождения иноверцев освободить! Что вы дадите, мы непременно велим заплатить, и службу вашу к нам, и раденье ко всему Московскому государству учиним навеки памятными. Если же вы нам займы денег, хлеба и товаров не дадите и ратные люди, не терпя голоду и нужды, из Москвы разойдутся, то вам от бога не пройдет так даром, что православная христианская вера разорится». Духовенство от имени всего собора писало Строгановым: «Ратные люди великому государю бьют челом беспрестанно, а к нам, царским богомольцам, и к боярам приходят с великим шумом и плачем каждый день, что они от многих служб и от разоренья польских и литовских людей

бедны и служить не могут, на службе им есть нечего и оттого многие из них по дорогам ездят, от бедности грабят, побивают, а унять их никакими мерами, не пожаловав, нельзя; только им не будет царского денежного и хлебного жалованья, то все они от бедности поневоле станут воровать, грабить, разбивать и побивать. И теперь мы, царские и ваши богомольцы, также бояре, окольные и всякие люди всех городов всего великого Российского царствия, поговоря на вселенском соборе, били челом государю, чтоб он послал к вам во все города для денежных сборов, хлебных и всяких запасов сборщиков, дворян больших, от своего царского лица и от всех нас вскоре, чем бы ему великому государю всяких ратных людей пожаловать». В заключении грамоты духовенство благословляет тех, которые исполняют требование царя и собора, и грозит клятвою ослушникам. Такие же точно грамоты разосланы были по всем городам; правительство убеждало граждан к щедрости примером москвитян: «Непременно бы вам, ратным людям, помочь, не огорчаясь, а не так сделать, как московские гости и торговые люди: сначала себя пожалели, ратным людям на жалованье денег не дали и оттого увидали над собою конечное разоренье, имения своего всего отбыли».

Ногаи пустошили уkraine, переправились через Оку, повоевали коломенские, серпуховские, боровские места и приходили даже в Домодедовскую подмосковскую волость. Ратные люди грабили по дорогам, не получая жалованья; сборщики податей, едзя по областям за жалованьем ратным людям, тоже грабили, так что правительство вынуждено было отзывать их и на самих крестьян возлагало обязанность собирать деньги и привозить их в Москву. Монастыри жаловались на разоренье от литовских людей, просили льгот, старых и новых. Купцы иностранные также жаловались на разоренье, просили льгот, и правительство, чтоб усилить торговлю, исполняло их просьбы, «для иноземства, для бедности и разоренья». В отдаленных городах оказывалось явное сопротивление финансовым мерам правительства: так, нужно было наказать чердынцев, «трех человек, бив батоги, вкинуть на месяц в тюрьму, чтоб им вперед не повадно было ослушаться». Но чердынцы ослушались и прибили сборщика. На Белеозере посадские люди также не хотели платить податей, и когда воеводы велели их поставить на правее, то они на себе править не дали, велели звонить в набат и воевод хотели побить, после чего сборщики податей являлись в селения уже с вооруженными отрядами. Коломенский воевода писал к государю: «Велено дать посланникам, которые едут в Турцию, 250 человек гребцов; но на яму всех ямщиков десять человек, собрать гребцов не с кого: мы хотели взять с посадских людей, но те нам гребцов не дают, двое из них приходят на нас с шумом и слушаться нас не велят; и из других мест такие же отписки, что денег, запасов и гребцов для посланников собрать нельзя, не с кого, и посланники ждут». Из Рязани архиепископ, духовенство, дворяне и дети боярские били челом: «С тех пор как вор начал называться царским именем, пошли усобицы и войны, наши отчины и поместья разорены до конца, все мы домов своих отбыли и жили с людишками своими в Переяславле, а как земля соединилась, начали приходиться татары часто и достать домишки наши выжгли, людишек и крестьянишек наших остальных перехватили и самих многих нашу братью на пустошах взяли и побили, и теперь татары у нас живут без выходу; приехал к нам твой государев посланник, что едет в Царь-град, живет в Переяславле три недели и нас из подвод и запасов мучит на правее, а нам взять негде». При таких обстоятельствах новое правительство должно было вести упорную войну с врагами внутренними и внешними. Внутри свирепствовали козаки – надежда тех, которые хотели продолжения Смутного времени. Никанор Шульгин по приказанию собора выступил с казанским войском в поход против Заруцкого, но, узнав об избрании Михаила, остановился в Арзамасе, написав 15 марта в Москву, что не будет продолжать похода по приговору ратных людей, которые издержали свои запасы и более не могут оставаться на службе; в то же время Шульгин извещал собор, что все казанское войско присягнуло Михаилу, а между тем внушал этому войску, что не должно признавать нового царя, который избран без совета с Казанским государством. Никанор надеялся на козаков и, чтоб возмутить их, оставил войско в Арзамасе и отправился в Казань, но

здесь не хотели больше козацкого царства, и когда Шульгин приехал в Свияжск, то уже там ждали его послы из Казани, которые объявили ему, что Казань присягнула Михаилу и что ему, Никанору, туда ехать незачем, а чтоб он не вздумал ослушаться, посадили его за приставов. Государь удивился, узнавши, что Никанор за приставами, и послал из Ростова приказ собору разведать, в каком он деле попался? Дело объяснилось, и Шульгина сослали в Сибирь, где он и умер.

Шульгин надеялся на козаков, и козаки еще не теряли надежды: у них оставался Заруцкий. Опустошивши Михайлов, Заруцкий ушел в Епифань, оставив в Михайлове своего воеводу; но 2 апреля михайловцы миром схватили этого воеводу, посадили за пристава, козаков *вольных* перехватили и посажали в тюрьму и дали знать об этом в Зарайск и Переяславль Рязанский, прося помощи. Вскоре после этого два козака прибежали из Епифани в Каширу и в расспросе сказывали: «Побежало их от Заруцкого детей боярских и козаков человек с двести, зато к Заруцкому пришло черкас человек с триста; Заруцкий хочет идти в Персию, а Марина с ним идти не хочет, зовет его с собою в Литву, у козаков был об этом круг, и многие козаки хотят обратиться к государю». Потом приехали в Каширу четырнадцать человек козаков и объявили, что у Заруцкого 2500 козаков, кроме новопробыльных черкас, и что он сказал своему войску поход на Украину. Получив эти вести, бояре, князь Мстиславский с товарищами, 13 апреля решили идти из Москвы на Заруцкого воеводе князю Ивану Одоевскому с воеводами – из Михайлова, Зарайска, Владимира, Суздаля и других городов; но в то же время боярам дали знать, что Заруцкий убежал из Епифани, выграбил Деделов, сжег Крапивну, хочет идти на Тулу. Царь отвечал на эти донесения боярам, чтоб они всякими мерами промышляли, над Заруцким поиск учинили и с литовскими людьми ему сойтись не дали. Князь Одоевский выступил из Москвы 19 апреля; в мае дали знать в Москву, что Заруцкий приступал к Ливнам и оттуда пошел к Лебедяни, вследствие чего князю Одоевскому в Тулу был послан приказ идти со всеми людьми на Заруцкого в Донков и к Лебедяни. Одоевский выступил из Тулы, и скоро пришла от него весть, что он сошелся с Заруцким у Воронежа, бился с ним два дня без отдыха и побил наголову, наряд, знамена, обоз взял, языков многих схватил, коши все отбил, и Заруцкий с немногими людьми побежал в степь, за Дон, к Медведице. Так доносил воевода, но летописец говорит, что воеводы Заруцкому ничего не сделали, что он побил множество воронежцев и ушел к Астрахани. Некоторые козаки не хотели следовать в степь за Заруцким и пришли с повинною в Москву, говоря, что вслед за ними будут и другие их товарищи; царь простил их и послал под Смоленск.

Между тем воевода Одоевский с товарищами писал к козакам на Волгу, что «их атаманскою и козацьею службою, радением и дородством Московское государство очистилось и учинилось свободно; и ныне ваша братья, атаманы и козаки, многие по вере христианской поборают, врагов и разорителей доходят и Литовскую землю воюют; а в великих государствах государя нашего строится все доброе, всякие люди пришли в познание и между собою учинились в любви, в совете и соединении; только теперь от всего Московского государства отлучаясь, в одной Астрахани ведомый вор и желатель крови христианской, черкашенин Ивашка Заруцкий с Маринкою заводят воровство и смуту». Воеводы увещевают козаков, чтоб они не приставали к Заруцкому и к люторке-еретице Маринке, а шли бы в сход к ним, воеводам, и промышляли с ними вместе над ворами: «А чем будете вы скудны, то знайте, – с нами государев запас, вино, денежная казна и сукна есть, ничем скудны не будете». Воеводы писали и к жителям Астрахани с увещанием оставить Заруцкого: «Сами ведаете, какое ныне у вас в Астрахани зло учинил: кровь многую православных христиан пролил, окольного и воеводу, князя Ивана Дмитриевича Хворостинина, и иных многих без милости побил, на которых прежде и смотреть не смел он, злодей Ивашка черкашенин безверник: а Маринка, люторка-еретица, о разлитии крови христианской не жалеет, то себе в похвалу ставят, от истины на ложь соблазняют, и с персидским шахом ссылаются, великого государя нашего искони вечную отчину. Астраханское

царство, и в ней всех вас, православных христиан, шаху отдать хотят, желая великого государя нашего и его великие Российские государства с Абасом шахом ссорить».

Возбуждая против Заруцкого волжских козаков, московское правительство возбуждало против него и орду Ногайскую, извещая князя ее Иштерека, что Заруцкий выпустил в Астрахани из тюрьмы врага его, мурзу Джан-Арслана. Посланы были грамоты и к донским козакам вместе с царским жалованьем, сукнами, селитрою, свинцом, зельем и запасами; духовенство во имя православия увещевало донцов, чтоб немедленно шли в Северскую землю против литовских людей, за что получают благословение от бога и славу от людей. Донцы приняли с честью московских посланников, извещавших и об избрании нового царя, обрадовались царскому имени, в звоны звонили, молебны пели, из наряда стреляли, били батогами нещадно одного из своих, который объявил, что калужский вор жив, обещались служить и прямить Михаилу точно так же, как и его предшественникам, но отказались идти в Северскую землю на литовцев. Желая мира с турками, правительство требовало от донцов, чтобы они прекратили свои поиски над Азовом; козаки обещали быть в мире с азовцами, но до тех пор только, пока русские послы возвратятся из Константинополя, и требовали от царя жалованья, денег, сукон, запасов, чтоб было чем им прокормиться и одеться во время мира с Азовом. Царь должен был согласиться на это условие, обещал и больше, послав на Дон знамя. «И вам бы с тем знаменем, – говорится в царской грамоте, – против наших недругов стоять, на них ходить и, прося у бога милости, над ними промышлять, сколько милосердый бог помощи подаст; к нам, великому государю, по началу и по своему обещанью службу свою и раденье совершали бы, а наше царское слово иначе к вам не будет».

Донцы, получив государево жалованье, вынесли царское знамя, составили около него круг, а под знаменем лежал человек, осужденный на смерть: когда царский посланник Опухтин спросил, что это за человек, то ему сказали: «Двое пьяных козаков проговорились, что атаманы и козаки за посмеих вертятся, а от Ивашки Заруцкого не избыть, быть под его рукою». Одного из этих козаков прежде повесили, а другой приговорен к смерти и лежит теперь под знаменем. При этом многие козаки били челом посланнику, чтоб он для имени царского величества отпросил у них этого молодца от казни, потому что он виноват без хитрости, неумышленно, сопьяна. Посланник, зная, что так бывало и прежде, и видя, что тут было много козаков с Волги и Яика, чтоб их государскою милостию обнадежить, начал говорить: «Вы этому козаку ничего не сделали до меня; я теперь приехал с царским жалованьем, у вас у всех теперь радость, а государь милосерд и праведен, всех нас, виноватых, пожаловал, ничьих вин не помянул: так и вы бы теперь этого виноватого для имени царского величества пощадили: а царское величество бог в сохраненье держит, и враги ему никакого зла сделать не могут». Только что посланник выговорил эти слова, козаки завопили: «Дай, господи, государю царю здоровья на многие лета! Сами мы знаем, что государь милосерд и праведен, божий избранник, никто ему зла сделать не может». Осужденного подняли, и атаман Епиха Радиллов стал его бранить, тазал его долго: «Пора придти в познание: сами знаем, сколько крови пролилось в Московском государстве от нашего воровства и смутных слов, что вмещали в простых людей; мы уже по горло ходим в крови христианской; теперь бог дал нам государя милостивого, и вам бы, собакам, перестать от воровства, а не перестанете, то бог всех вас побьет, где бы вы ни были».

Скоро пришла в Москву страшная весть, что Заруцкий ссылается с волжскими и другими соседними козаками, сзывая их на обычную войну с государством. Грамота за грамотой пошли из Москвы на Дон и на Волгу: сперва от царя, потом от духовенства, наконец от бояр и всяких чинов людей, с увещанием не соединяться с Заруцким, но стоять против него. Грамоты по-прежнему льстят козакам, хотят выставить государственные подвиги их и тем сильнее заставить их служить государству. Заруцкий выставляется человеком, который первое злое дело Московскому государству завел: «Думного дворянина и воеводу Прокофья Ляпунова, который сперва за неправду Жигимонта короля стоял, Заруцкий, учиня сейм, велел советни-

кам своим убить, чтоб польских и литовских людей обнадежить». Здесь грамоты виновником смерти Ляпунова выставляют прямо Заруцкого; но мы видели, что в грамоте Пожарского к областным жителям с жалобой на Шереметева виновником смерти Ляпунова выставлен этот Шереметев. В приведенных грамотах к козакам главным виновником восстания против поляков выставлен Ляпунов, а в других грамотах о Ляпунове не говорится ни слова и вся честь приписывается Трубецкому. Вообще в грамотах того времени не заботились о согласном свидетельстве, а выставляли события, смотря по обстоятельствам. Продолжая перечислять дурные дела Заруцкого, московские грамоты говорят, что по смерти Ляпунова он взял к себе поляков, Евстафия Валявского да Казановского и других, и с ними вместе умышлял разоренье Московского государства, звал к себе тайно и гетмана Сапегу со всем войском, ссылаясь с поляками, осажденными в Кремле и Китае, условливался с ними, что зажжет стан подмосковный в то время, как поляки сделают вылазку из города, но что лазутчиков его схватили и пытали, а панов Валявского и Казановского казнили всею ратью. В грамотах говорится также, что еще в 1612 году Сигизмунд присылал к Заруцкому ротмистра Синявского, убеждая его мутить Московское государство до тех пор, пока он, король, заключит мир с турками и заплатит жалованье войску, а там он пойдет на Москву, взявши которую даст Заруцкому в отчину Новгород Великий, или Псков с пригородами, или Смоленск и сделает его великим у себя боярином и владетелем.

Чтобы грамоты были подействительнее для козаков, царь послал на Волгу деньги, сукна, запасы, вина: «И вы б, атаманы и козаки, видя к себе нашу царскую милость и признание, нам, великому государю, служили и прямили и на изменников наших стояли: а мы, великий государь, учнем вас держать в нашем царском милостивом жалованье и в признание свыше прежних царей российских». Наконец отправлены были две грамоты и к самому Заруцкому от царя и духовенства; царь обещал помилование в случае обращения; духовенство грозило проклятием в случаеслушания царской грамоте. Донские козаки писали к волжским своим собратьям о покое и тишине, но в очень неопределенных выражениях, вероятно, потому, что козаки имели о покое и тишине неясное понятие. «Великому и славному рыцарскому Волжскому, Терскому и Яицкому войску и всех рек пресловутых господам атаманам и козакам и всему великому войску. Прислал к нам самодержавный государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси свои царские грамоты и жалованное слово, и жалованье денежное, и селитру, и сукна, и запас и к вам на пресловутую реку послал тоже жалованье многое денежное и сукна, и селитру, и запас. И мы к вам, господа, послали его царские грамоты ко всему войску, и в Астрахань, и к Заруцкому, и ко всем чинам Российского царства и Московские области, чтоб господь бог гнев свой отвратил и на милосердие преложил, чтоб покой и тишину вы восприяли и в соединении были душами и сердцами своими, и ему, государю, служили и прямили, а бездельникам не потакали; заднее забываете, на переднее возвращайтесь, ожидайте, государи, будущих благ, а ведаете и сами святого бога писание: тысячи лет, яко день един, а день един, яко тысячи лет. А мы, господа, к вам много писывали прежде о любви, да от вас к нам ни единой строки нет, мы и атаманов больших у вас не знаем; а вы, господа наши, на нас не дивитесь (не сердитесь)». Но почему же донцы думали, что волжские козаки будут на них дивиться? Любопытна также и надпись на грамоте: «Великие Российские державы и Московские области оберегателям, волжским, терским и яицким атаманам и молодцам и всему великому войску».

Между тем к князю Одоевскому с товарищами приходили вести с севера, что шайки козаков тянутся из уездов Белозерского, Пошехоньского, чрез уезды Углицкий, Ярославский и Романовский к юго-востоку, пробираясь к Заруцкому. Ногайский князь Иштерек сначала был в ссоре с Заруцким, но потом помирился, дал сыновей в заложники и поклялся, что весною пойдет со всеми ногаями осаждать Самарскую крепость, а Заруцкий объявил, что весною же отправится на стругах вверх по Волге против льду с пушками под Самарский город и под Казань. Город Терский объявил себя за Заруцкого; но в Астрахани добрые люди пови-

новались ему невольно и с нетерпением ждали государевых полков. Зимой перед Николиным днем Заруцкий и Марина выслали в мир какую-то грамоту и велели всяких чинов людям прикладывать к ней руки, а смотреть в нее не дали никому; духовенство и все люди прикладывали руки поневоле. Марина видела нерасположение граждан и боялась восстания; памятен ей был страшный звон московских колоколов 17 мая, она боялась того же и в Астрахани и запретила ранний благовест к заутреням под предлогом, что звон пугает ее маленького сына. Купцы иноземные, бухарцы, гилянцы и другие, ограбленные Заруцким, разбежались. Днем и ночью на пытках и казнях лилась кровь добрых людей, а Заруцкий разъезжал за город с ногайскими татарами, которые в числе пяти или шести сот пили и ели у него с утра до вечера, он прикармливал их, чтоб заставить идти с собою на весну под Самарский город и под Казань; он говорил: «Знаю я московские наряды: покамест люди с Москвы пойдут, я до той поры Самару возьму да и над Казанью промысл учиню». Как видно, Заруцкий выдавал себя в Астрахани за Дмитрия; по крайней мере до нас дошла от 1614 года челобитная с обращением к царю Димитрию Ивановичу, царице Марии Юрьевне и царевичу Ивану Димитриевичу. Заруцкий надеялся также на шаха, но персидские купцы уверяли астраханцев, что Аббас Астрахани не возьмет, своих людей не пришлет и казны Заруцкому не даст, потому что не захочет ссориться с Московским государством. Что касается до волжских козаков, то ближайшая к Астрахани станица под атаманом Верзигою тянула к вору: но в верхних козачьих городках козаки были против Заруцкого: очевидцы рассказывали, что когда пришла туда с Дону уже известная нам грамота, то съехавшиеся козаки, прочтя грамоту, обрадовались, Заруцкого, Марину и сына ее проклинали и ругали, несмотря на то что Заруцкий, приглашая воевать государство, обещал пожаловать тем, чего у них и на разуме нет; козаки говорили: «От нашего воровства уже и так много пролилось христианской крови, много святых обителей и церквей божиих разорено, так уже теперь нам больше не воровать, а приклониться к государю царю Михаилу Федоровичу и ко всей земле». Но козаки по своему обычаю хотели сделать службу государю и всей земле как можно для себя выгоднее; для этого они собирались ехать в Астрахань, взять у вора обманом жалованье, да и учинить над ним промысел; потом собирались идти на море, дожидаться шаховых судов, чтоб их погромить; а если не удастся погромить персидских кораблей, то идти под Астрахань грабить татарские юрты: пока змея в норе, так тут над нею и промысел чинить, говорили атаманы. Но молодые козаки говорили иное: «Нам все равно, где бы ни добыть себе зипунов, а то почему нам и под Самарский не идти с Заруцким?» 560 таких охотников до зипунов перешли к Заруцкому в Астрахань; говорят, что Заруцкий, обрадовавшись приходу козаков и ненавидя многих граждан за их нерасположение к себе, хотел в самое Светлое Воскресенье перерезать всех подозрительных ему людей. В самом ли деле Заруцкий имел такое намерение или только астраханцы, испуганные приездом козаков, подозревали умысел – решить трудно; но как бы то ни было, между астраханцами и козаками произошли ссоры; Заруцкий принужден был запереться в Кремле, а граждане сели на посаде, и в среду на страстной неделе завязался между ними бой (1614 г.).

Между тем пришла весть, что и Терек отложился от Заруцкого. Здесь, так же как и в Астрахани, не все жители усердствовали вору с ворухою и воренком, а были за них больше потому, что жили далеко от Москвы и не получали оттуда никаких вестей. Терский воевода Петр Головин был особенно подозрителен Заруцкому, который послал в Терский город взять воеводу и привести его в Астрахань; но терские люди не выдали Головина и сказали посланцам астраханским: «Али вы и Петра Головина хотите погубить так же, как погубили князя Ивана Хворостинина? Нам с вами в совете воровском не быть и от московских чудотворцев не отстать». В половине Великого поста приехал на Терек Михаил Черный от Заруцкого; Черный пробирался в Кабарду возбуждать горцев на Русь; но терские люди были уже в разладе с Заруцким и подозревали его в дурных замыслах насчет своего города; они схватили Черного и привели к воеводе на допрос: сначала Черный не хотел ничего говорить о замыслах Заруц-

кого, наконец пытка развязала ему язык: он объявил, что Заруцкий неистовствует в Астрахани, где большинство жителей не на его стороне, казнит, сажает в воду добрых людей, духовенство, грабит их имения, святотатствует: взял из Троицкого монастыря кадило серебряное и слил себе из него стрема; сердится на Терский город, хочет быть там на Велик день, казнить воеводу Головина и с ним многих людей. Последнее известие заставило воеводу и весь мир принять меры решительные: они тотчас же целовали крест царю Михаилу и отправили под Астрахань стрелецкого голову Василья Хохлова с 700 человек. Прибыв под Астрахань, Хохлов привел к присяге ногайских татар, в том числе обратился также к царю и известный уже нам Иштерек-бей, написавший к князю Одоевскому грамоту, в которой очень наивно представлено положение зависимого татарина в смутах Московского государства: «Его милость царь дал нам грамоту, изволил обязать защищать нас против всех врагов, а мы его милости царю обязались служить во всю жизнь нашу верою и правдою. Между тем астраханские люди и вся татарская орда начали теснить нас: служи, говорят, сыну законного царя. Весь христианский народ, собравшись, провозгласил государем сына Димитрия царя. Если хочешь быть с нами, так дай подписку, да еще и сына своего дай аманатом. Не хитри, пестрых речей не води с нами, не то мы Джана-Арслана с семиродцами подвинем и сами пойдем воевать тебя. По той причине мы и дали уланов своих аманатами».

Хохлов нашел астраханцев в явной войне с Заруцким; но война эта была невыгодна для первых, потому что на них с кремля обращены были пушки. 2000 мужчин, 6000 женщин и детей выбежали в стан к Хохлову. Но и Заруцкий, видя, что ему нельзя в астраханском кремле дожидаться царских воевод, 12 мая ночью бежал из Астрахани и поднялся немного вверх по Волге; Хохлов бросился за ним, нагнал и нанес сильное поражение; Заруцкому с Мариною и сыном ее удалось уйти на море, но Хохлов отправил за ним новые погони. Между тем царские воеводы, узнав, что Заруцкий стеснен в Астрахани, поспешно двинулись к этому городу; на дороге узнали они, что Астрахань уже очищена от воров; это известие, как видно, было неприятно князю Одоевскому, потому что вся честь подвига принадлежала теперь не ему, а Хохлову. Он писал к последнему, чтоб тот не извещал царя об астраханских событиях до его приходу, а если уж послал гонца, то воротил бы его с дороги, «потому что им, воеводам, надобно писать к государю о многих государевых делах». Не участвовавши нисколько в освобождении Астрахани, воевода требовал от Хохлова, чтоб тот заставил астраханцев торжественно встретить его: «А нас велеть встретить терским и астраханским людям, по половинам, от Астрахани верст за тридцать или за двадцать». Узнав, что Заруцкий бросился на Яик, Одоевский 6 июня отрядил туда двух стрелецких голов, Пальчикова и Онучина, для поимки; 23 июня посланные настигли беглецов и начали битву, собственно, не с Заруцким, но с его хозяевами – козаками, атаманом Усом с товарищи, потому что этот Ус владел всем, а Заруцкому и Марине не было ни в чем воли. Пальчиков и Онучин осадили козаков в их городке, и те, видя крайность, принуждены были добить челом, целовать крест государю Михаилу Федоровичу и выдать Заруцкого с Мариною, сыном и чернецом Николаем. Это было 25 июня. Пленников привезли в Астрахань, откуда немедленно же отправили в Казань, потому что, писал Одоевский, в Астрахани мы их держать не смели для смуты и шатости. Заруцкий был отправлен отдельно от жены; Марину провожали 600 стрельцов, Заруцкого – 230; в случае нападения сильнейшего воровского отряда провожатым велено было побить пленников. Из Казани их отправили в Москву, здесь Заруцкого посадили на кол, сына Марины повесили: сама Марина умерла в тюрьме, с горя – по московским известиям, а по польским – была утоплена или задушена. Тот же летописец упоминает и о казни Федора Андропова.

Избавились от Заруцкого, успокоена была Астрахань, но козаков оставалось еще много внутри государства, почти не было ни одной области, которая бы не страдала от их опустошений. Об их опустошениях летописец говорит, что и в древние времена таких мук не бывало; воеводы доносили: «Там и там стояли козаки, пошли туда-то, села и деревни разорили и пово-

евали до основания, крестьян жженных видели мы больше семидесяти человек, да мертвых больше сорока человек, мужиков и женок, которые померли от мученья и пыток, кроме замерзших». Особенно отличался между козаками атаман Баловень. 1 сентября 1614 года, в тогдашний Новый год, государь говорил на соборе с духовенством, боярами, думными и всех чинов всякими людьми: «Пишут к нам из замосковных и из поморских городов, что пришли в уезды воры-козаки, многие люди, православных христиан побивают и жгут разными муками, денежных доходов и хлебных запасов собирать не дадут, собранную денежную казну в Москву от их воровства провезти нельзя. Дворяне и дети боярские бьют челом, чтоб им с ворами управиться самим: так на этих воров посылки ли послать, или писать к ним об обращении, чтоб от воровства отстали?» Приговорили: «Послать к ворами из (духовных) властей, бояр и всяких чинов людей и говорить ворами, чтоб они от воровства отстали». Для этого посланы были суздальский архиепископ Герасим с двумя еще духовными лицами, боярин князь Борис Михайлович Лыков и дьяк Ильин с выборными из дворян, гостей, из торговых людей и козаков. Они должны были ехать в Ярославль и оттуда повестить козакам: которые из них хотят стоять за имя божие, государю служить и прямить, тем от воров, которые хотят воровать, отобраться, списки имен своих прислать к государю и идти на службу. Которые государю служить не станут, станут вперед государю изменять, церкви божи разорять, образа обдирать, православных христиан грабить, жечь, ломать, на таких всяким государевым людям, атаманам и козакам, стоять заодно и над ними промышлять, потому что они пуще и грубее литвы и немцев, и козаками этих воров не называть, чтоб прямым атаманам, которые служат, бесчестья не было. Если козаки станут договариваться с князем Лыковым, а без заклада к нему не поедут, то ему давать заклады, смотря по их людям, и уговаривать их всякими обычаями, чтоб их от воровства отвести и выслать на государеву службу, обещать им жалованье, должным и крепостным людям – свободу. Которые атаманы и козаки станут приезжать в Ярославль к князю Лыкову для сговоров и всяких государевых дел, тех поить и кормить. Которые атаманы и козаки от воровства отстанут и пойдут на государеву службу, тем велеть кормы давать, собирая с посадов и уездов, как можно сытым быть, а лишнего брать и насилья делать не велеть. Которые атаманы и козаки от воровства не отстанут, на службу не пойдут, уговор их не возьмет, на таких князю Лыкову собираться с городами, с дворянами и детьми боярскими, собирать также охочих всяких людей и даточных и над ворами промышлять всякими обычаями.

Лыков дал знать государю, что он к козакам писал и уговаривать посылал много раз, но воры от воровства не отстают и унять их никак нельзя, стали воровать пуще прежнего; которые козаки хотят отстать от воровства, тем от воров уйти нельзя, потому что воры умножились. Государь в ответ приказал Лыкову промышлять над козаками. После этого Лыков писал, что он на козаков ходил и посылки посылал и воров во многих местах побивали. Тогда козаки прислали объявить Лыкову, что они от воровства отстали и пошли на государеву службу к Тихвину против шведов, и государь бы их пожаловал, велел к ним прислать воевод из Москвы, с кем им ходить и промышлять над немецкими людьми. Из Москвы отправилось к ним двое воевод – князь Никита Волконский да Чемесов; но скоро эти воеводы дали знать государю, что когда они пришли на Тихвину и хотели посмотреть козаков по спискам, то козаки на смотр не пошли, ездят себе по селам, деревням и дорогам, грабят, бьют, села и деревни жгут, крестьян ломают, воровство от них чинится пуще прежнего, приходят и на них, воевод, с великим шумом, с угрозами, хотят грабить и побить. А после того прибежали с Тихвины в Москву козаки, которые государю прямими, и в расспросе боярам сказали: которые козаки отстали от воровства, начали служить государю, стали было от воров отбираться и пришли к воеводам, князю Волконскому и Чемесову, на тех пришли козаки воры, перехватили и переграбили их, также и самих воевод царских, многих добрых атаманов и козаков побили до смерти и теперь идут по городам войною. Прискакал гонец и от воеводы с Устюжны: пришли к его городу козаки многие, говорят, что идут к Москве, а неведомо, для какого умышления. По этим вестям царь

отписал в Ярославль к князю Лыкову и в Кашин к воеводе Бояшеву, чтобы по всем дорогам посылали подьезды проведывать про козаков, куда ждать их похода? И если воры пойдут прямо под Москву, то Лыков и Бояшев должны идти за ними также к Москве.

Козаки действительно явились под Москвою и стали по Троицкой дороге в селе Ростокине, приславши к государю бить челом, что хотят ему служить, воровать вперед не станут и на службу идти готовы. Государь послал в Ростокينو дворян и дьяков переписать и разобрать козаков, сколько их пришло. Козаки к смотру не шли долго и едва дали себя переписывать, говоря, что они, атаманы, знают сами, сколько у кого в станице козаков. Они ставили по дорогам от Ростокина к Москве и по Троицкой дороге сторожи днем и ночью, посылали по всем дорогам подьезды и станицы, все проведывали про князя Лыкова с товарищи, а между тем прислали другое челобитье к государю, чтоб велел им дать торг, иначе они станут воевать и в загоны посылать: по государеву указу из Москвы к ним с торгом посылали, только бы в загон не ездили. Государь велел также перевести их из Ростокина к Донскому монастырю: отсюда они начали приезжать в Москву ратным обычаем и говорить, что будут московских людей грабить, а другие говорили: только их государь не пожалует, и они пойдут к Лисовскому в Северскую страну. Тогда послали к Лыкову и Бояшеву приказ, чтоб они тотчас же со всеми людьми шли под Москву проселочными дорогами, тайком и, пришедши под Москву, стали бы также, утаясь, где пригоже. Лыков и Бояшев наконец пришли, и государь велел взять из козацкого табору в Москву атаманов, есаулов и козаков, расспросить и сыскать: били челом бояре и дворяне и дети боярские, что они, козаки, поместья и вотчины их разорили; да били челом воеводы, князь Волконский и Чемесов, что козаки их били и грабили. Козаки были взяты к допросу, и в то же время из Москвы к Симонову монастырю двинулся окольныйчий Артемий Измайлов, велено ему было стать против козачьих таборов и послать сказать козакам, чтоб они не смели выходить из них никуда и стояли бы безо всякого опасенья, потому что он, Измайлов, прислан их оберегать; если же они станут подниматься со станом, то Измайлову и Лыкову велено идти на них, чтоб их под Москву не пустить. Но как скоро Измайлов пришел к Симонову монастырю и стал против козачьих таборов, то воры бросились бежать из-под Москвы Серпуховскою и другими дорогами; Измайлов и Лыков двинулись за ними, по дороге несколько раз побивали их отряды и настигли главную толпу в Малоярославском уезде на реке Луже. Здесь козаки были побиты наголову, а остальные, видя над собою от государевых людей тесноту, добились челом и крест целовали. Всех этих козаков по государеву указу Лыков и Измайлов привели в Москву в числе 3256 человек, их всех простили и отослали на службу, только Баловня повесили да некоторых других атаманов разослали по тюрьмам. Но этим государство еще не успокоилось от козаков: в 1616 году государь получил вести из Владимира, Суздаля, Муром, Балахны и Нижнего, что собрались воры, боярские холопы и всякие безыменные люди и называются козаками, пришли в Суздальский и Владимирский уезды, в Шую и другие места; по селам, деревням и дорогам дворян, детей боярских и всяких людей побивают до смерти, села и деревни жгут, крестьян пытают, доведываясь, где их пожитки, и хотят идти по городам. Государь приказал промышлять над ворами князю Димитрию Петровичу Лопате-Пожарскому и костромскому воеводе Ушакову. Как они исполнили поручение, неизвестно. В том же году дали знать государю из Казани и других понизовых городов, что татары и черемисы заворовали, государю изменили, села и деревни жгут, людей в полон берут и побивают, к городам приступают, дороги от Казани к Нижнему отняли. Против них отправлены были боярин князь Сулешов и стольник князь Львов.

Кроме козаков, татар и черемис, надобно было разделяться с литовскими людьми, с Лисовским и козаками малороссийскими или черкасами. Тотчас по избрании Михаила в Москве начали думать, как бы прекратить войну литовскую и, главное, высвободить из плена отца государева. 10 марта 1613 года собор уже отправил дворянина Дениса Аладьина к королю с грамотою, в которой, прописав все неправды Сигизмунда, требовал размена пленных. Струсь

от лица всех своих собратий писал также к королю, умоляя его прислать Филарета с товарищами и тем освободить своих подданных из неволи московской. В наказе Аладьину говорилось: «Скажут: нам подлинно известно, что польских и литовских людей, разсланных по городам после кремлевского взятия, всех мужики побили» – отвечать: «Ссланы были польские и литовские люди с Москвы в города для береженья: к Соли-Галицкой, да в Галич, да на Чухлому, да на Унжу, и пришли к тем городам изгоном воры, ваши же черкасы, и тех польских и литовских людей немногих побили ваши же черкасишки, а по другим городам все целы». Хотели скрыть от поляков об избрании Михаила, чтобы тем легче высвободить Филарета, и потому Аладьину было наказано: «Если скажут, что в Москве выбрали в цари Михаила Федоровича Романова, то отвечать: „Это вам кто-то сказал неправду; в Москву всяких чинов люди съехались и о государском избрании советуются, но поджидают из дальних областей советных же людей“». Станут говорить про изменников, про Федьку Андронova с товарищами, за что их пытали, ведь они за правду стояли, то отвечать: «Михалка Салтыков да Федька Андронов с товарищами первые изменники и всякому злу начальники: из-под Смоленска на Московское государство королевскую рать подняли и вместе с польскими и литовскими людьми придумали Москву разорить, царскую многую неисчетную казну, собрание прежних великих государей, к королю отослали, а иную ратным людям раздавали; и они, злодеи, не только пыток, но и всяких злых смертей достойны». Аладьину наказано было в задор ничего не говорить; посол должен был править королю челобитье от освященного собора, от бояр, окольничих и проч., от всяких чинов людей всего великого Российского царствия. Если паны скажут, что русские Владиславу изменники, то отвечать изложением неправд королевских и между прочим сказать: «Царские утвари и царские шапки, и коруны, и всякое царское достояние, и чудотворные образа Михайла Салтыков да Федька Андронов к вам отослали». Если будут при короле или при панах во время посольства московские изменники – Михайла Салтыков, Иван Грамотин, Василий Янов – или иной кто, то Аладьину жаловаться на это, говорить, что прежде так не бывало. Если же эти изменники станут какие непригожие речи на задор говорить, то Аладьину говорить при панах вслух бесстрашно, что те, Михайла с товарищами, первые всякому злу начальники и Московскому государству разорители и им было теперь надобно попомнить бога и свою христианскую природу, от таких своих дел перестать, а только не перестанут, и им вскоре от бога отмщенье будет.

Аладьин мог уверить собор, что скоро нельзя ждать от короля сильных движений на Москву: один поляк говорил ему на дороге: «Видел ты сам, как здесь жолныри (солдаты) пустошат королевские города и места и много городов и мест запустошат до тех пор, пока им дадут жалованье». В Вильне бурмистр говорил Аладьину: «Здесь у нас стоят жолныри, и житья нам от них нет, насильство чинят великое, кормы берут большие и правят деньги, женам и детям нашим чинят тесноту и насильство, лучше бы нам от них земля расступилась!» Таким образом, безурядица в Польше давала Московскому государству возможность оправляться от своего безурядья. В июне 1613 года Аладьин возвратился и привез ответ от панов, которые, разумеется, оправдывали во всем Сигизмунда и складывали всю вину на Москву; относительно Владислава писали: «Нам хорошо известно, что еще при князе Димитрии Ивановиче, которого вы зовете Гришкою Отрепьевым, князь Василий Иванович Шуйский с братьями и со многими боярами чрез некоторых польских, литовских и московских людей говорили и били челом королю, чтоб пожаловал, от расстриги Гришки Отрепьева их самих и государство Московское очистил, а на государство Московское дал сына своего Владислава Жигимонтовича».

В заключение паны пишут, что они и вместе с ними император немецкий Матвей склоняют Сигизмунда к миру с Москвою; паны требуют от думы, чтоб она прекратила все неприятельские действия против поляков до приезда императорских послов, при посредстве которых приступлено будет к мирным соглашениям. О короле паны пишут, что он не мог сам отвечать

на грамоту собора, потому что она наполнена словами укорительными, несправедливыми, гордыми и срамотными.

Между тем неприятельские действия продолжались: в марте 1613 года собор двинул войска против литовских людей, которые пришли войною в белевские, мешцовские, калужские и козельские места и большими людьми стали на Брыне; в апреле бояре отправили воевод в Северскую землю, где дела шли удачно для русских людей, но из-под Козельска приходили дурные вести: князя Андрей Хованский и Семен Гагарин стояли от Козельска за 16 верст, а князь Иван Хворостинин стал от них за шесть верст; Хованский посылал ему говорить, чтоб он подошел поближе и вместе с ними промышлял над литовскими людьми, но Хворостинин не послушался и пошел назад во Мценск со всею ратью. Была между Хованским и Хворостининым рознь великая, и государеву делу в их розни прибыли не было. К тому же обговорен был еще воевода, Артемий Измайлов, будто ссылается с литовскими людьми. Царь велел и Хованского и Хворостинина переменить, а об Измайлове сыскать крепкими сысками, но, как видно, ничего не сыскали. В июле пришли вести еще хуже: черкасы и литовские люди взяли Серпейск, Мещовск, Козельск, Болхов, Лихвин, Перемышль, в Белеве овладели острогом, а в городе отселся от них воевода князь Семен Гагарин. Измайлов писал из Калуги, что черкасы приходили уже под этот город, думает, что придут еще; из Можайска писал Нащокин, что неприятель хочет приходить к его городу. Государь говорил на соборе с духовенством и боярами, как ему над литовскими людьми и черкасами промышлять, и приговорил идти на них стольникам – князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому и Михайле Матвейчу Бутурлину. Когда эти воеводы пришли под Калугу, то литовские люди и черкасы, послышав их приход, ушли из серпейских и мешцовских мест к Вязме и Дорогобужу. Воеводы пошли за ними, заняли покинутые литовцами Вязму и Дорогобуж и подступили под Белую. Литовцы сделали было из нее сильную вылазку, но были побиты и в августе принуждены были сдаться. Царь наградил воевод золотыми и велел им идти под Смоленск. Воеводы отправились осаждать Смоленск, стали в двух верстах от него, но ничего не могли сделать по недостатку войска: украинские дворяне и дети боярские многие под Смоленск не бывали, а иные из-под Смоленска сбежали. Черкасский и товарищ его, князь Троекуров (потому что Бутурлин был тяжело ранен под Белою), стояли под Смоленском без всякого действия до июня 1615 года, когда им на смену были отправлены туда воеводы, боярин князь Иван Андреевич Хованский и Мирон Вельяминов. Когда Черкасский приехал в Москву, то государь велел ему быть у своего стола, а после стола пожаловал за службу шубу на соболях, атлас золотный да кубок.

В то же время пришли вести, что Лисовский усиливается в Северной стране, литовцы теснят Брянск, захватили Корачев. Против Лисовского отправлены были воеводы: боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский и Степан Исленьев. Зная образ ведения войны лисовчиков, воеводам дали наказ в походе и на станах соблюдать величайшую осторожность: «Расспрося про дорогу накрепко, послать наперед себя дворян, велеть им на станах, где им ставиться, места разъездить и рассмотреть, чтоб были крепки, да поставить надолобы; а как надолобы около станов поставят и укрепят совсем накрепко, то воеводам идти на стан с великим береженьем, посылать подъезды и проведывать про литовских людей, чтоб они безвестно не пришли и дурна какова не учинили». Из Белева через Болхов шел Пожарский на Лисовского; тот испугался осады в Корачеве, выжег город и пустился верхнею дорогою к Орлу. Князь Дмитрий, узнав об этом, быстро пошел также к Орлу; в один день и в одно утро столкнулись они на одном месте: Иван Пушкин, шедший впереди, начал бой; русские не устояли против Лисовского, воевода Исленьев обратился в бегство, но не тронулся Пожарский с 600 человек и долго отбивался от 3000 лисовчиков, обгородился телегами и сел в обозе. Лисовский не догадывался, что у Пожарского так мало людей, и потому не смел напасть на него, а раскинул стан в двух верстах; Пожарский не хотел покинуть своего стана. «Всем нам помереть на этом месте», – отвечал он своим ратным людям, которые уговаривали его отступить к Бол-

хову. Вечером возвратился назад беглый воевода Исленьев, ночью стали съезжаться и другие беглецы; на другой день, видя около себя сильную рать, Пожарский начал наступательное движение на Лисовского; тот быстро снялся с места и стал под Кромами; видя, что преследование не прекращается, в одни сутки прошел 150 верст и явился перед Болховом; отбитый отсюда воеводою Волынским, сжег Белев; потом приступил было к Лихвину, но потерпел здесь неудачу и стал в Перемышле, откуда воевода со всеми ратными людьми выбежал в Калугу. Пожарский остановился в Лихвине; здесь, подкрепив себя казанскою ратью, погнался опять за Лисовским; тот начал по-прежнему отступать, выжег Перемышль и пустился наспех между Вязмою и Можайском; Пожарский отрядил против него воевод, но сам, истомленный невероятно быстрою погоней за самым неутомимым из наездников, слег от тяжелой болезни и отвезен был в Калугу. С удалением Пожарского преследования кончились: ратные люди не пошли за Лисовским, потому что казанцы побежали в Казань. Лисовский мог свободно броситься под Ржев Володимиров, в котором едва отсиделся от него боярин Федор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову. Отступив от Ржева, Лисовский был под Кашином и под Угличем, где также едва от него отсиделись. После этого Лисовский уже не приступал более к городам, но пробирался, как тень, между ними, опустошая все на пути: прокрался между Ярославлем и Костромою к суздальским местам, потом между Владимиром и Муромом, между Коломною и Переяславлем Рязанским, между Тулою и Серпуховом до Алексина. Несколько воевод было отпущено в погоню за Лисовским, но они бесплодно кружили из одного места в другое; только в Алексинском уезде сошелся с ним раз князь Куракин, но не мог причинить ему большого вреда и перехватить путь в Литву, куда явился наконец Лисовский после своего изумительного в военных летописях круга и надолго памятного в Московском государстве. С тою же чудесною быстротою действовали на отдаленном севере козаки малороссийские: такой войны, говорит летописец, от начала мира не бывало; не понимали русские люди, куда и как пробирались черкасы. Из Вологодского уезда пошли они в поморские города, воевали Вагу и тотемские места и устюжские, потом пошли в Двинскую землю к морю, шли местами непроходимыми, бог знает, где они не были, и вышли в Новгородском уезде к Сумскому острогу. Нигде не могли остановить их: только в Заонежских погостах побили их много, а олончане добились и последних; воевали они Московскую землю все проходом, говорит летописец, под городами и по волостям нигде не стояли, земли много запустошили, но и сами все пропали же.

Во время этих военных действий в разных местах шли продолжительные, хотя и бесплодные, переговоры о мире. В ноябре 1614 года паны-рада прислали московским боярам грамоту, в которой упрекали их в измене Владиславу и в том, что сперва бояре сами хотели отдать свое дело с Польшею на решение императора, а потом с гордостью отвергли это посредничество, продолжают войну и держат польских пленников в тяжком заключении; несмотря на то, они, паны, снова предлагают завести мирные переговоры на рубеже. Бояре отвечали, что им и принять панский лист было непригоже, не только что по нему какие государские дела делать, потому что писано в нем не по прежнему обычаю, великого государя имени не описано, и во всем писано высоко, не по прежнему обычаю. Несмотря, однако, на то, по миролюбию своему бояре решились принять грамоту от панов и отвечать на нее. Они оправдываются во всем, что взвели на них паны. «Богу известно, потом и окрестным всем государям христианским и мусульманским, что мы во всем том, что вы на нас пишете, невинны. Те все неправды учинились от государя вашего и с вашей стороны, а наши души от того чисты; вам, братья нашей, панам-раде, ныне и вперед и поминать непригоже, что быть государя вашего сыну, Владиславу королевичу, на Московском государстве: то дело уже бывшее». Касательно сношений с императором о посредничестве бояре отвечают, что, когда еще второе ополчение стояло под Москвою, тогда воеводы его послали немецкого переводчика Еремея Еремеева к императору с просьбою, чтоб он уговорил Сигизмунда отстать от неправд, «а о том мы к цесарскому величеству не посылали и не приказывали, чтоб цесарское величество нас с государем вашим взял

на свой суд: нечего нам с государем вашим судиться! Всемогущему богу и цесарскому величеству, и всем окрестным государям неправды королевы перед великими российскими государствами ведомы». Бояре пишут, что император прислал переводчика назад с обещанием писать Сигизмунду: что царь Михаил тотчас по вступлении на престол отправил к императору послов, которые уже исполнили свое посольство: после этого боярам показалось странно, что в пределах польских явился императорский гонец Сингель, присланный не к царю, а к боярам. Боярам не следовало бы и входить с Сингелем в какие-либо сношения; но уже государь в уважение прежней крепкой любви царей московских с императорами велел боярам принять Сингеля; сделаны были поэтому нужные распоряжения, но немецкий гонец и посол польский почему-то не явились к боярам, равно как польское правительство до сих пор не присылает опасного листа для посла царского к Сигизмунду. Потом бояре отвечают на упреки в дурном обращении с пленными. «У вас, – пишут они, – наши не пленники, но послы, митрополит Филарет и князь Голицын, разлучены, по разным местам сидят в темницах; а у нас пленники ваши, Струсь с товарищами, живут в Москве, дворы им даны добрые, пищу и питье получают достаточно, людям их вольно всюду ходить по делам господским, скудости и тесноты нет никакой». Бояре заключают грамоту извещением, что государь позволил им отправить *своих послов* на рубеж, на съезд с польскими послами. Любопытно взглянуть на боярские подписи на грамоте: сначала видим имена старых бояр, князя Мстиславского, И. В. Голицына, И. Н. Романова, Шереметева, Куракина и других; на десятом месте подпись князя Д. Т. Трубецкого, на одиннадцатом – князя Д. М. Пожарского, на девятнадцатом – Минина, в дьяках подписался Сыдавный Васильев.

С этою грамотою отправлен был Желябужский, который получил такой наказ: станут говорить, что Московского государства всяких чинов люди целовали крест королевичу Владиславу, то отвечать: «Московского государства всяких чинов люди перед великим государем вашим Жигимонтом королем и перед сыном его во всем том невинны. Вся неправда и невинное христианское кроворазлитие учинились со стороны великого государя вашего, а всего Московского государства людей души от того чисты. И вам за неправду государя вашего ныне и вперед поминать непригоже, что государя вашего сыну, Владиславу королевичу, быть на Московском государстве, и послов о том посылать незачем, то уже дело бывшее и давно о том государю вашему и вам от всего Московского государства отказано накрепко». О Заруцком Желябужский должен был говорить: «Вора Ивашку Заруцкого и воруху Маринку с сыном для обличенья их воровства привезли в Москву. Ивашка за свои злые дела и Маринкин сын казнены, а Маринка на Москве от болезни и с тоски по своей воле умерла, а государю и боярам для обличенья ваших неправд надобно было, чтоб она жила. И теперь отчина царского величества от воровской смуты очистилась и воровская смута вся поминалась».

Желябужский должен был видеться с Филаретом, ударить ему челом от сына и говорить: «Великий государь, сын ваш, вас, великого государя, велел о здоровье спросить, а про свое здоровье велел сказать: вашими отеческими святительскими и государыни моей матери великой старицы иноки Марфы Ивановны многоусердными к богу молитвами на наших великих и преславных государствах здравствуем, только оскорбляемся тем, что ваших отеческих святительских очей не сподобляемся видеть; молим милосердного бога и радеем, и промышляем, и хотим того, чтоб милосердый бог вашу святыню из такой тягости высвободил». Грамота царская к отцу начиналась так: «Великого и всещедрого в троице славимого бога нашего, иже достойному святительским и богоукрашенным саном почитаему и украшаему, и нашему христианскому роду истинному учителю, и непорочно ходатайственнoлюбным тщанием ко господу о нас прилежно молителю, и наказателю словесных христовых овец и выну о овцах, паче же заблудших, попремногу многовзыскательному тщателю, и разрешителю неодуменным, еже есть духовным сплетением, поборнику и страдателю за святые благосиятельные христианские наши церкви и крепкому столпу в православии, и еже о Христе любезное на земле житие чающе небесного рая жителю, старейшему и превысочайшему священноначалием отцу отцем, великому государю

моему преосвященному митрополиту Филарету Никитичу, божиею милостию и его крепкою непобедимую десницею, содержай скипетр великого Российского царствия, в месть врагам, в похвалу добродетелям, сын твоего изрядносиятельного отечества Михаил, божиею милостию царь и великий князь, всея Руси самодержец, главу свою усердно до земли преклоняет, касаясь твоим святительским честным стопам и со слезами у вас, великого государя, моего отца, прося еже за ны святительских ваших молитв и благословения». Желябужский должен был также править челобитье Филарету от иноки Марфы Ивановны, потом от духовных властей, бояр и всей Думы. Князя Василья Васильевича Голицына и товарищей его Желябужский должен был о здоровье спросить и говорить им речь: «Служба ваша, раденье и терпенье ведомы, и о том мы, великий государь, радеем и промышляем, чтоб вас из такой тяжкой скорби высвободить». Потом Желябужский должен был править им челобитье от властей и бояр; такую же речь от царя должен был сказать и Шеину, если с ним увидится. Бывшего царя, Василья Ивановича Шуйского, и брата его, Димитрия, уже не было в живых; относительно же брата их, князя Ивана Ивановича, послу ничего не было наказано. Филарету *наедине* (если это только возможно) Желябужский должен был объявить, что в Москве делается все доброе, все великие государи присылают с дарами и с поминками великими, прося царской к себе любви и дружбы.

В Варшаве паны приняли Желябужского по обычаю, спросили о здоровье бояр; Желябужский отвечал, что бояре при *великом государе*, дал бог, все в добром здоровье. Когда он сказал: *при великом государе*, то из всех сенаторов отозвался невежливо один Лев Сапега: «Еще де то у вас не пошлый (настоящий) государь!» Филарет жил в доме Льва Сапеги, который был его приставом; Желябужскому позволено было здесь с ним видеться. Принявши государеву грамоту, Филарет спросил: «Как бог милует сына моего?» Желябужский отвечал, что следует. После этого Филарет начал говорить послу и товарищам его: «Не гораздо вы сделали, послали меня от всего Московского Российского государства с наказом к Жигимонту королю просить сына его Владислава королевича на Московское государство государем; я и до сих пор делаю во всем вправду, а после меня обрали на Московское государство государем сына моего, Михаила Федоровича; и вы в том передо мною неправы; если уже вы хотели выбирать на Московское государство государя, то можно было и кроме моего сына, а вы это теперь сделали без моего ведома». Посол отвечал: «Царственное дело ни за чем не останавливается: хотя бы и ты, великий господин, был, то и тебе было переменить того нельзя, сделалось то волею божиею, а не хотеньем сына твоего». Филарет сказал на это: «То вы подлинно говорите, что сын мой учинился у вас государем не по своему хотенью, изволением Божиим да вашим принуждением», — и, обратясь к Сапеге, прибавил: «Как было то сделать сыну моему? остался сын мой после меня молод, всего шестнадцати лет, и бессемен, только нас осталось — я здесь, да брат мой на Москве один, Иван Никитич». Сапега отвечал ему грубо, срывая сердце: «Посадили сына твоего на Московское государство государем одни козаки донцы». На это возразил Желябужский: «Что ты, пан канцлер, такое слово говоришь! То сделалось волею и хотеньем бога нашего, бог послал духа своего святого в сердца всех людей». Сапега замолчал. Желябужский стал править челобитья, и Филарет, прочтя грамоты, отдал их Сапеге. О князе Голицыне Сапега сказал, что он остался в Мариенбурге, Шеин с женою и дочерью — в его, Сапегиной, вотчине в Слонимском повете, а сын — в Варшаве; Филарет заметил при этом: «Я не знаю, жив ли или нет боярин князь Василий Васильевич Голицын, потому что мы с ним давно расстались».

Кроме Сапеги тут был еще другой пристав, пан Олешинский. Филарет, обратясь к ним обоим, сказал: «Нас царь Борис всех извел: меня велел постричь, трех братьев уморил, велел задавить, только теперь остался у меня один брат Иван Никитич». Олешинский спросил у Сапеги: «Для чего царь Борис над ними это сделал?» Сапега отвечал: «Для того царь Борис велел над ними это сделать, блюдаясь от них, чтоб из них которого брата не посадили на Московское государство государем, потому что они люди великие и близки к царю Федору». Пан Олешинский опять начал говорить, обращаясь к послу: «На весну пойдет к Москве королевич

Владислав, а с ним мы все пойдем Посполитою Речью, Владислав королевич учинит вашего митрополита патриархом, а сына его – боярином». Филарет сказал на это: «Я в патриархи не хочу»; а Желябужский сказал: «Ты, пан, говоришь слово похвальное (хвастливое), а мы надемся на милость божию да на великого государя Михаила Федоровича, на его государское счастье, дородство и храбрость, и на премудрый разум надежны: ныне во всех его государствах мир, покой и тишина, все люди ему, великому государю, служат и радеют единодушно, и будем стоять против Владислава, вашего королевича, и против всех вас. И прежде король ваш с королевичем и с вами со всеми приходил достигать государства Московского и пришел под Волок Ламский, а Волок в великом государстве Московском как бы деревенька малая: и тут короля вашего людей побили, и отошел король ваш из-под Волока с невеликими людьми». Олешинский на это не сказал ничего, а спросил Желябужского: «Помнишь ли ты меня, как я был на Москве?» – «Помню, – отвечал Желябужский, – как ты при царе Василье был на Москве и на отпуске в палате крест целовал о перемирных летах, чтоб лиха над Московским государством ничего не делать». Олешинский замолчал. Тут вошла жена Струся и начала просить Филарета написать к царю Михаилу, чтоб мужа ее жаловал. Филарет обещал, а Желябужский сказал ей: «Великий государь наш милосерд и праведен, не только мужа твоего жаловал, муж твой человек имянной, но, которые и хуже твоего мужа, и тех всех жалует». На это Лев Сапега сказал: «Что вы говорите, что государь ваш милостив и на кровь христианскую не посягает! Видим мы и то, что государь ваш посылал к турецкому царю закупать, чтобы царь турецкий стоял с ним заодно на Польское и Литовское государство, а грамоты те государя вашего теперь у нас». Желябужский отвечал, что ничего об этом не знает. Этим свидание кончилось. На отпуске у панов-рады Лев Сапега опять говорил невежливо: «Еще-де то у вас не пошлый государь; два у вас государя: один у вас на Москве, а другой здесь, Владислав королевич, ему вы все крест целовали». Желябужский отвечал по наказу, что это дело бывшее и дальнее и поминать о том непригоже. Он требовал, чтобы в ответной грамоте было описано имя царя Михаила как следует; Сапега отвечал: «Теперь мы, паны-рада, вас отпускаем с добрым делом от кого вы пришли к братье своей боярам, а государева титула писать нельзя, о том будут большие послы с обеих сторон и обо всех великих делах будут говорить и судиться пред богом, и как постановят великое доброе дело, тогда станут государево имя и титул писать». Желябужский проведал, что все литовские сенаторы хотят мира с Москвою, кроме Льва Сапеги, который один короля манит; а большой посягатель на веру христианскую сам король да сенаторы польские, а всех пуще канцлер пан Крицкий да маршалок литовский, пан Дростальский. На сейме король будет просить побору, чтоб идти к Москве посполитым рушеньем; но в Литве приговорено, что побору отнюдь не дать и посполитым рушеньем с королевичем не хаживать, то уже дело минуло, королевичу к Москве идти не по что, стало нам самим до себя; действительно, на сейме литовские сенаторы не согласились на войну. На дороге, в имени Льва Сапеги, Желябужский виделся с Шеиным, который приказывал к государю и к боярам: «Как будет размена с литовскими людьми, то государь бы и бояре приказали послам накрепко, чтоб береглись обману от литовских людей; послам бы сходиться между Смоленском и Оршею на старом рубеже; у Литвы с Польшею рознь большая, а с турками мира нет; если государевы люди в сборе, то надобно непременно Литовскую землю воевать и тесноту чинить, теперь на них пора пришла», да приказывал, чтоб никак пленниками порознь не разменивались. Желябужский разузнал также, что король приказывал Филарету писать к сыну грамоты, какие ему, королю, надобны, и Лев Сапега тоже приказывал, но митрополит за то стал и королю отказал, что отнюдь ему таких грамот не писывать; за то Желябужского и не пустили проститься с митрополитом. Сам пан Гридич, которого король и Сапега посылали к Филарету, говорил послам: «Как сведал Филарет, что сын его учинился государем, то стал на сына своего надежен, стал упрям и сердит, к себе не пустит и грамот не пишет».

Желябужский привез боярам грамоту, в которой паны предлагали съезд уполномоченных на границе между Смоленском и Вязьмою. В грамоте паны писали также: «Пока холопы вами владеть будут, а не от истинной крови великих государей происходящие, до тех пор гнев божий над собою чувствовать не перестанете, потому что государством как следует управлять и успокоить его они не могут. Из казны московской нашему королю ничего не досталось, своевольные люди ее растащили, потому что несправедливо и с кривдою людскою была собрана». Несмотря на такие грубости, предложение было принято, и в сентябре 1615 года, по соборному решению, отправились к литовской границе великие уполномоченные послы, бояре – князя Иван Воротынский и Алексей Сицкий и окольный Артемий Измайлов; с польской стороны уполномоченными были: киевский бискуп князь Казимирский, гетман литовский Ян Ходкевич, канцлер Лев Сапега, староста велижский Александр Гонсевский; посредником был императорский посол Еразм Ганделиус. Переговоры должны были происходить между Смоленском и Острожками. Воротынский с товарищами должны были сначала изложить неправды короля, начиная с нарушения перемирия при царе Борисе приводом Лжедмитрия. Если паны скажут, что еще при воре князь Василий Иванович Шуйский с братьями и многими боярами бил челом королю, чтоб их от Расстриги оборонил и дал в цари сына своего, то князь Воротынский должен был отвечать: «Я, князь Иван Михайлович, в те поры был в своей братье в боярах честен, и любили меня мои братья все, а Шуйские были мне друзья и ни в чем от меня не скрывались. Вы это теперь говорите для того, что князя Василья Ивановича с братьею нет, и хотите на мертвых что-нибудь затеять; а мы того не дельвали и в разуме нашем того не бывало». Если паны скажут, что бояре наказывали об этом королю с Иваном Безобразовым да с Михайлою Толочановым, то отвечать: «Иван Безобразов и Михайла Толочанов Расстриге были из русских людей первые друзья и верники: как еще Расстрига пришел в Монастыревский, то Михайло Толочанов тогда уже учинился у него верником, за Михайлову измену царь Борис жену и детей его разослал по городам по тюрьмам; а Иван Безобразов по воре Федьке Андронове стал Расстриге близок на Москве, а как Расстригу убили, то он с Москвы сбежал и в Тушине у вора был, и с такими как было приказывать?» Если Александр Гонсевский скажет, что после Расстригина убийства он был у князя Дмитрия Шуйского и говорил, чтобы памятовали, о чем к королю приказывали, и князь Дмитрий не запирался, то отвечать: «Князя Дмитрия теперь нет, что захочешь, то на него и затеешь».

Воротынский должен был так жаловаться на поведение Гонсевского и поляков в Москве: «Немногие тогда наши братья бояре жили на своих дворах, многих бояр и боярских жен с дворов посослали, а стали жить польские и литовские люди, именем и запасами их завладели. Как гетман пошел под Смоленск, то после его ты, Александр Гонсевский, стал жить на цареве Борисове дворе, а Михайла Салтыков, мимо своего дворишка, – на дворе Ивана Васильевича Годунова, а Федька Андронов – на дворе благовещенского протопопа, на котором никогда никто не стаивал и не живал; меня, князя Ивана, да князя Андрея Голицына, да окольного князя Александра Засекина подавали за приставов; по воротам по всем поставили сторожей своих, решетки у улиц посломали, и московским никаким людям с саблею не только при бедре, и купцам с продажными и плотникам с топорами ходить и ножей при бедре никому носить не велели, дров мелких на продажу и крестьянам привозить не давали; жен и дочерей брали на блуд и по вечерам побивали всяких людей, кто идет улицею из двора в двор, к заутрени не только мирским людям – и священникам ходить не давали. Федьке Андронову велел государь ваш быть казначеем и думным дворянином, Степану Соловецкому – в Нижегородской четверти думным дьяком, Ваське Юрьеву – у денежных сборов, Евдокиму Витовтову – в разряде думным первым дьяком, Ивану Грамотину – печатником, посольским и местным дьяком; в Большом приходе – князю Федору Мещерскому, в Пушкарском приказе – князю Юрию Хворостину, в Панском приказе – ведомому вору Михалке Молчанову, в Казанском дворце – Ивану Салтыкову; а ты, Александр Гонсевский, по королевской же грамоте учинился на имя боярином

в Стрелецком приказе. Ты видел сам, какую беду мы, бояре, от своих советников, от худых людей, от Федьки Андропова с товарищами, терпели, никто нас так при прежних государях не бесчещивал, как тот детина, а ты его на все попускал; только бы не ты, то ему самому как было и помыслить, чтоб против нас говорить и нас бесчестить? Разоренье Московскому государству учинилось от государя вашего и от вас, мститель за то будет вам и женам вашим и детям бог, сами увидите; сам себя государя вашего сын от Московского государства отженул многими своими неправдами и кровопролитием. Как приходил с войском гетман, ты, Карлус Ходкевич, то ты, Александр Гонсевский, нам всем говорил, чтоб нам быть под королевскою рукою, изменников, князя Юрия Трубецкого, Ивана Грамотина, Василья Янова, ты за этим к нам присылал».

Если скажут: «Бояре сами присылали к королю, что от вас на Москве смута, присылал вор к Москве попа Харитона с грамотами, а к вору присылка была же; бояре сами сыскивали, и по сыску дошло до него, князя Ивана Михайловича, до князей Андрея Голицына и Засекина, и за то их бояре сами велели беречь: и если в вас, больших людях, была измена, то королю как было сына своего на государство дать?» Если станут класть боярские грамоты, как о том писали, то отвечать: «На меня, князя Ивана, с товарищами затеяли вы и вора попа научили, а боярам, что вы велели, то они и делали. От вас большая смута и ссора, и кроворазлитие. Только бы тогда государь ваш положился на нас, природных бояр, а тебя, Александра, в уряд и изменников-воров в приказы не прислал, худых людей, то ничего бы худого и не было, было бы все хорошее. Видали мы и от прежних государей себе опалы, только во всем государстве справа (управление) всякая была на нас, а худыми людьми нас не бесчестили и чести нашей природной не отнимали; а как обрали мы на государство государя вашего сына, то он еще не бывал, а у нас у всех честь отнял: прислал тебя, велел тебе государственные и земские дела всякие ведать в таком великом государстве, а у государя своего ты и до сих пор в Раде не бывал; да с тобою прислал Московского государства изменников, самых худых людей, торговых мужиков, молодых детишек боярских, а подавал им окольниковство, казначейство, думное дьячество; уж и не было в худых никого, кто б от государя вашего думным не звался; кто даст Льву Сапеге пару соболей, тот – дьяк думный, а кто сорок, тот – боярин и окольниковый. Такой мы от государя вашего чести дожили, потому так и стало».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.